

Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК

Пошехонская старина

<Фрагменты>

Салтыков иногда задумывал свои произведения задолго до их воплощения в словесную ткань. Особенно характерным примером этого является «Пошехонская старина», написанная в 1887–1889 годах, но тема и даже заглавие которой были еще в 1883 году сообщены им в письме к Михайловскому. Таким образом, еще лет за пять до написания (а как увидим ниже — и еще значительно раньше) «Пошехонская старина» была выкристаллизована, как целое, в творческом сознании Салтыкова. Если же говорить о типах этой хроники, то предшественников их можно найти в произведениях Салтыкова не за пять, а за тридцать пять лет до первого упоминания его о «Пошехонской старине». Еще К. Арсеньев в своей книге о Салтыкове справедливо указал на несомненное сходство между супругами Крошиными в «Противоречиях» и родителями Никанора Затрапезного в «Пошехонской старине»: особенно много общего между Марьей Ивановной Крошиной и Анной Павловной Затрапезной» (К. Арсеньев, «Салтыков-Щедрин», стр. 10). А ведь «Противоречия» были напечатаны в 1848 году!

Такая своеобразная «живучесть» литературного типа объясняется в данном случае тем, что прототип его играл слишком значительную роль в жизни Салтыкова. Хотя в примечании к Введению в «Пошехонскую старину» автор и заявлял категорически, что «автобиографического элемента в моем настоящем труде очень мало», но, как известно, заявление это является лишь довольно обычной «беллетристической отговоркой». Конечно, «Пошехонская старина» — художественное произведение, а не сухая автобиография, но в основу его положен семейный быт семьи Салтыковых в окружении крепостного быта той поры (тридцатые годы). Анна Павловна Затрапезная — конечно Ольга Михайловна Салтыкова, из купеческого рода Забелиных, мать сатирика. Какое сильное впечатление

осталось от матери на всю жизнь у Салтыкова, можно судить по тому, что не один раз он выводил ее в своих произведениях, с большей или меньшей художественной ретушевкой ее лица. «Госпожа Падейкова» (из «Сатир в прозе» 1863 г.) — несомненно легкий очерк, лишь через четверть века получивший полное развитие в Анне Павловне Затрапезной; лицо это не раз мельком показывалось в произведениях Салтыкова и получило законченную художественную обработку в типе Арины Петровны из «Господ Головлевых» (1875–1880 гг.). <...> ...почти все действующие лица его <произведения. — *Ред.*> позднее появились в «Пошехонской старине», но <...> это позднейшее произведение является более ранней, начальной главой одной и той же семейной хроники. Действующие лица «Господ Головлевых» (Иудушка, Степка-балбес, Павел) в «Пошехонской старине» изображены еще детьми, и Анна Павловна Затрапезная на сорок лет моложе Арины Петровны Головлевой. А обе они — в художественном преломлении Ольга Михайловна Салтыкова, скончавшаяся в 1874 году. Характерно, что немедленно после ее смерти Салтыков стал писать семейную хронику господ Головлевых, первая глава которой появилась в «Отечественных записках» 1875 года (№ 10). Быть может не менее интересно отметить, что почти до самой смерти матери Салтыков находился под ее властной опекой; по крайней мере уже в 1865 году, будучи в Пензе «вторым лицом после губернатора», он, между прочим, писал Анненкову: «...милая моя родительница засекуэстровала все доходы с моего имения, и я решительно оставлен теперь на произвол судеб и министерства финансов»¹ <...>.

Мать является центральной фигурой «Пошехонской старины»; но художественным отображением действительности оказываются и почти все остальные и главные, и эпизодические лица этой хроники. «Пошехонский» Малиновец, в котором проходит детство Никанора Затрапезного, является селом Спас-Угол Калязинского уезда, Тверской губернии; лица, окружавшие раннее детство Салтыкова и о которых сам он говорит и в автобиографической записке <...> и в некоторых письмах, — выведены в первых главах «Пошехонской старины». Таким образом, автобиографическое значение ее, вопреки заявлению автора, является несомненным; этим художественным документом можно смело пользоваться, изучая ту среду, в которой проходило детство будущего великого писателя.

Как уже было сказано выше, Салтыков еще за пять лет до осуществления «Пошехонской старины» задумал эту громадную хронику; ниже выяснится, что задумана она была и еще раньше, но лишь в 1883 году мы имеем первое упоминание об этом замысле и в произведе-

дениях, и в письмах Салтыкова. Заканчивая «Современную идиллию» (в 1883 году), Салтыков, говоря в самом начале XXIII главы о «помещичьем раздольи» эпохи крепостного права, заявляет в подстрочном примечании: «Я еще застал веселую помещичью жизнь и помню ее довольно живо... И в нашем сравнительно угрюмом Калязинском уезде прорывались веселые центры... Когда-нибудь я надеюсь возобновить в своей памяти подробности этой недавней старины, которая исчезла на наших глазах, не оставив по себе *никакого* следа».

Это «когда-нибудь» едва не обратилось в «немедленно»: Салтыков собирался приступить к этой серии очерков о «недавней старине» уже с самого начала 1884 года. В номер 1-й «Отечественных записок» этого года он еще не дал три сказки, но торопил своего соредатора по журналу, Михайловского, с выпуском этого номера: «имею к вам большую просьбу, — писал он ему 18 декабря 1883 года <...>: не задерживайте выхода 1-й книжки. Я надеюсь выпустить ее совсем невинную и сам затеял рассказ, в котором идет речь об обстановке дворянского дома и воспитании дворянского сына в былые годы (“Пошехонская старина”)». Как видно отсюда, первая глава этой хроники была, быть может, уже набросана в конце 1883 года, но вместо нее в 1-м номере появились знаменитые сказки. Обстоятельства помешали Салтыкову исполнить свое намерение и в следующие два месяца: февральская и мартовская книжки «Отечественных записок» вышли без его беллетристических произведений, так как новые сказки его для февральской книжки «были похоронены» цензурой, из-за которой не появились и в мартовской книжке «еще 4 сказки» <...>. А в апреле этого года «Отечественные записки» были закрыты знаменитым постановлением четырех министров, и литературная деятельность Салтыкова была прервана до начала его сотрудничества в «Вестнике Европы» осенью того же 1884 года.

Сотрудничество в «Вестнике Европы» Салтыков начал «Пестрыми письмами» (1884–1886 гг.) и продолжал «Мелочами жизни» (1886–1887 гг.). «Пошехонскую старину» он отложил по разным причинам. Во-первых, ему не хотелось, как сам он сообщает в одном из писем, сразу после закрытия «Отечественных записок» писать на невинные «бытовые» темы, как бы идя в цензурную Каноссу; во-вторых — в новой мемуарной манере трудно было начать писать. «Я человек оконченный, — писал он Михайловскому в июне 1884 года, — ...задумал я одну вещь давно «на всякий случай», но теперь вижу, как мне трудно из колеи выйти» <...>. Совершенно несомненно, что вещь эта — «Пошехонская старина»; характерно здесь указание, что она задумана «давно» — т. е., конечно, не полу-

годом раньше, в 1883 году, как мы это отмечали выше, а значительно раньше, быть может еще во время работы над «эпизодами из жизни одного семейства», хроникой семьи Головлевых.

Салтыков вплотную принялся за «Пошехонскую старину» только летом 1887 года. В августе этого года он писал Л. Пантелееву: «в последнее время мной овладела страсть к писанию, и я кой-что настряпал из давно готового матерьяла. Боюсь, что нескладно вышло и Стасюлевич откажется принять» <...>. Это были три первые главы «Пошехонской старины», о которых приблизительно в тех же словах Салтыков через две недели писал Стасюлевичу, редактору-издателю «Вестника Европы»: «...признаюсь откровенно, я боюсь, что вышло несколько мрачно и нескладно» <...>. В этом же письме Салтыков характеризует эти первые три главы как «начало труда, об котором я вам давно говорил».

Письма Салтыкова к Стасюлевичу², <...> драгоценнейший материал при изучении истории написания «Пошехонской старины» <...>. Таким характерным является, например, первоначальное заглавие «Пошехонской старины», гласившее в сохранившейся рукописи: «Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина». Это заглавие вызвало немедленно двойное цензурное сомнение и у редактора, и у самого автора. В записке к Стасюлевичу от 8 сентября 1887 года Салтыков, очевидно, отвечает на сомнение редактора: «...если вы полагаете, что из-за слов (в заглавии) «пошехонского дворянина» могут вырезать всю статью, то сделайте милость, выбросьте их», — и прибавляет: «я бы желал быть вне всяких сомнений». А на другой день он сам впадает в сомнение и пишет Стасюлевичу: «не лучше ли в заглавии вместо слова “Житие” написать “Жизнь и приключения”? Как бы цензура к “Житию” не придралась» <...>. И таким образом в журнале «Пошехонская старина» получила подзаголовок: «Жизнь и приключения Никанора Затрапезного» — совершенно неоправдываемый содержанием этой хроники, так как ни о каких «приключениях» в ней нет и помина, а описывает она действительно помещичье-крепостническое мрачное «житие» различных «пошехонских дворян».

И в дальнейших письмах и записках Салтыкова к Стасюлевичу не раз еще встречаем мы указания на различные авторские и редакторские «цензурные соображения». Послав в редакцию великолепную четвертую главу «Пошехонской старины» («День в помещичьей усадьбе»), Салтыков дополнительно сообщает в записке от 11 октября 1887 года: «...я позабыл вам сказать, что под заглавием вставил в скобках: 1834–1836 гг. Это я сделал для цензуры, но ежели вы находите лишним, то вычеркну» <...>. В журнале эти годы остались, но, под-

готовляя отдельное издание «Пошехонской старины», Салтыков вычеркнул их, оставив лишь в оглавлении. Посылая VIII главу, одну из самых мрачных в художественной литературе о крепостном праве («Тётенька Анфиса Порфирьевна»), Салтыков писал: «...боюсь, что вы затруднитесь печатать, ибо в ней изображаются помещичьи варварства, хотя речь идет о тридцатых годах» (<...> от 12 января 1888 года). В конце этого же года, когда уже набирались для январской книжки «Вестника Европы» 1889 года главы «Помещичья среда» и «Предводитель Струнников», Салтыков спрашивал редактора этого журнала: «...не приходило ли вам на мысль, что “Пошехонскую старину” из январской книжки могут потребовать вырезать за изображение дворянства и в особенности предводителя в неприятном виде? Особенно разговор с Карнеичем о том, что такое дворянин?» (<...> от 18 декабря 1888 года). Разговор с Карнеичем остался, однако, и прошел цензурные мытарства благополучно. — Все эти эпизоды как нельзя более характерны для «истории русской цензуры» эпохи реакции восьмидесятых годов и положения русской литературы в эту эпоху.

Не менее интересны и детали построения «Пошехонской старины», о которых мы узнаем из этих писем. Так, например, VI глава этой хроники («Дети») явно выпадает из общего строя всего произведения; но причины такого выпадения уясняются лишь из письма Салтыкова к Стасюлевичу от 19 октября 1887 года <...>. «Я говорил вам, — писал Салтыков, — что у меня есть статейка под названием “Дети” и что “Русские Ведомости” возвратили мне ее. Затем я отдал ее Гайдебурову*, который хотя и согласился напечатать, но в голосе его звучала такая неуверенность, что я взял статью обратно, хотя, по моему искреннему убеждению, в ней нет ничего опасного. Теперь я припоминаю, что по поводу этой статьи вы давали мне благой совет: приурочить ее к “Пошехонской старине”. Перечитав ее сегодня, я убедился, что это не только возможно, но будет совершенно уместно и потребует самых ничтожных изменений». Так включено было в «Пошехонскую старину» совершенно «инородное тело» — статейка «Дети», чего не случилось бы, если бы «Русские ведомости» или «Неделя» были немного смелее и рискнули бы напечатать эту вполне безопасную в цензурном отношении статью.

Интересно отметить, что сам Салтыков все время был недоволен «Пошехонской стариной». Посылая одну из лучших глав этой хроники («Тётеньки-сестрицы»), он сперва считал только конец ее «суховатым и бледноватым», а когда глава эта была напечатана

---

* Редактор журнала «Неделя»³.

(в декабрьской книжке «Вестника Европы» за 1887 год), то совсем впал в уныние и спрашивал Стасюлевича: «...ради бога, скажите мне по сущей правде, стоит ли продолжать “Пошехонскую старину”, ежели продолжение будет не лучше последней статьи, не будет ли это напрасным трудом, свидетельствующим об упадке таланта? И если мне еще суждено писать (в чем я крепко сомневаюсь), то не лучше ли разрабатывать другой сюжет? Последняя статья мне кажется совсем плохую, насильственно выжатою» <...>. По-видимому, редактор на этот раз успокоил мнительного автора; но последний еще не раз возвращался к этим темам. Начиная «серию портретов рабов» (гл. XVIII–XXV), замечательнейшие главы во всей хронике, Салтыков сухо отметил: «...выходит холодно»; о самых начальных главах хроники он писал редактору «Русских ведомостей», Соболевскому: «выходит нескладно, бесцельно, безобразно, юмор совсем исчез, а он всегда был моей главной силой» <...> ...интересно отметить, какие главы нравились самому Салтыкову, какие сам он считал удачными: «очень рад, — писал он Стасюлевичу 17 июля 1888 года <...>, — что “Дедушка” вам понравился; продолжение, которое я приготовил для октябрьской книжки, по мнению моему тоже удалось мне». Это были главы XIII–XVI, описывающие «жизнь в Москве» и «матримониальную хронику». С авторской самооценкой можно соглашаться или не соглашаться, но она всегда представляет значительный интерес. Из всех этих самооценок можно согласиться, быть может, только с одной: что «характеристика Бурмакина очень слаба» и что конец «Пошехонской старины» скомкан <...>. Все остальное — от мнительности и строгой авторской самооценки Салтыкова, писавшего эту последнюю свою вещь среди припадков мучительной предсмертной болезни, но с подлинным вдохновением. В одном из писем он жаловался, что образы из «Пошехонской старины» мучительно обстали его и что он торопится «отвязаться» от них, перенося их на бумагу. В результате появилось классическое произведение русской литературы, художественно рисующее помещичий и крепостной быт дореформенной России первой половины XIX века. Лебединая песня⁴ Салтыкова достойно завершила собою его напряженное почти полувековое творчество.

<...> ...переходим к краткому рассмотрению текстовых особенностей «Пошехонской старины».

«Пошехонская старина» печаталась в «Вестнике Европы» полтора года (с октября 1887 по март 1889 г. включительно) и была закончена печатанием в этом журнале за два месяца до смерти автора. Таким образом, он не успел выпустить это произведение отдельным изданием,

как он делал это со всеми другими своими циклами. Внимательное изучение журнального текста по сравнению с текстом IX тома посмертного собрания сочинений (1889–1890 гг.) ясно показывает, что в журнальный текст Салтыков внес много исправлений и изменений для предполагаемого отдельного текста. <...>

В целом ряде мест <...> журнальный текст несомненно заслуживает предпочтения по сравнению с текстом отдельного издания. Это места, явно «исправленные» корректором или редактором посмертного издания. Так, например, Салтыков подчеркивает: «это называлось *неженным* воспитанием» (гл. II), а корректор или редактор превращает это характерное областное слово в «*нежным*». Салтыков говорит, что у «образцового хозяина» (гл. XXVIII) «верхние листы (капусты) отделяются для людских серых щей», — так в журнальном тексте, — а корректор или редактор посмертного издания, незнакомый с этим обычным деревенским термином, заменяет слово «серых» словом «старых». Получалась бессмыслица, из которой последующие издания собрания сочинений Салтыкова выпутались, вообще пропуская здесь всякое прилагательное.

Наконец, еще в целом ряде мест текста отдельного издания пропущены слова, имевшиеся в журнальном тексте. Теперь почти невозможно установить, где эти пропуски — дело рук Салтыкова, а где они — случайные типографские ошибки и корректурные недосмотры. Во всяком случае можно предполагать, что когда Салтыков говорит, как его детскому воображению приходилось «создавать свой собственный сказочный мир, не имевший никакого соприкосновения с народной жизнью и ее преданиями» (гл. II), то пропуск в этой фразе слова «народной» (как это имеет место в тексте отдельного издания), почти создающий бессмыслицу, вряд ли является делом рук автора. Вряд ли делом его рук является пропуск слова «поместный» в выражении «старинный поместный элемент» (гл. XXVI) или слова «бесконтрольное» в фразе «жизнь того времени представляла собой запертую храмину, ключ от которой был отдан в бесконтрольное заведывание табели о рангах» (гл. XXIX). Но, конечно, во всех подобных спорных случаях нет безусловной уверенности в том, что все это — корректурные просмотры, а не сознательные авторские изменения.

Все эти разночтения <...> являются ценнейшим материалом для изучения внешней стороны литературного творчества Салтыкова. Изучение эволюции стиля Салтыкова, — задача, к которой теперь стала подходить история литературы, — невозможно без такого фактического изучения материала.

<...> ...для истории печатной эволюции произведений Салтыкова. Очень существенно знать, сам ли он вел журнальную корректуру того или иного своего произведения, или поручал ее Некрасову, Плещееву, позднее — Михайловскому, еще позднее — Скабичевскому и Стасюлевичу. В случае не-авторской правки журнальной корректуры, последняя, особенно в отношении пунктуации, не может считаться характерной для Салтыкова, и тогда решающей инстанцией является иногда — сохранившаяся рукопись, а иногда — отдельное прижизненное издание того или иного произведения.

Применяя все это к «Пошехонской старине», мы должны сказать, что имеем здесь сложный случай, наиболее трудно поддающийся решению. Журнальную корректуру правил сам автор, так что *журнальный текст* должен быть признан несомненно салтыковским; журнальный текст этот был затем несомненно еще раз обработан Салтыковым для IX тома первого собрания сочинений, который, однако, ввиду смерти автора был правлен уже посторонними лицами.

Все эти на первый взгляд мелкие текстологические вопросы на самом деле имеют большое значение ввиду высокого места, занимаемого «Пошехонской стариной» в истории русской литературы XIX века. В литературе этой нет произведения, в котором с равной силою и художественной изобразительностью была бы закреплена на таком огромном полотне бытовая жизнь крепостного крестьянства и помещичьего дворянства. В первых главах этой замечательной хроники перед нами — дети, их физическое и нравственное воспитание, создававшее из дворянских детей — будущих помещиков и крепостников, достойных своих родителей, безнравственность и бессмысленность этого воспитания, бесчеловечность всего уклада этой жизни (гл. I–VI). В следующих главах — «портретная галерея» родственников, от своеобразной «салтычихи» Анфисы Порфирьевны, до «сластёны» Райсы Порфирьевны, помещичья жизнь в усадьбах (гл. VII–XI), а затем — помещицье «жизьё в Москве», с ловлей женихов для перезрелых помещичьих дочек и со всеми бытовыми красочными картинами «матримониальной хроники» (гл. XII–XVI), — часть, которую Салтыков, как мы видели, считал наиболее ему удавшейся частью «Пошехонской старины». В последнем позволительно усомниться, так как непосредственно следующая за этим серия портретов «рабов» (гл. XVII–XXV) является одной из самых потрясающих частей «Пошехонской старины». Портреты эти написаны без всякого сентиментального «жаления», в котором еще критика шестидесятых годов любила обвинять Салтыкова; но тем сильнее впечатление от этих беспощадных рембрантовских портретов дворовых и крестьян эпохи,

предшествующей «освобождению». Потому что дух этой эпохи начинается уже сказываться в последних главах «Пошехонской старины» (гл. XXVI–XXXI), а старина, как «образцовый хозяин» Арсений Потапыч, коснеющим языком уже лепечет: «уми-рать»...

Таким образом, в «Пошехонской старине» перед нами цельная картина, огромное полотно, рисующее эпоху тридцатых — шестидесятых годов XIX века. В русской литературе нет произведения, которое с равной яркостью и силой описывало бы в такой цельной картине крепостной и помещичий быт средней полосы России. «Записки охотника» Тургенева, «Поликушка» Л. Толстого, «Очерки крестьянской жизни» Писемского, даже «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова, не говоря уже о более слабых произведениях Григоровича («Антон Горемыка» и «Деревня»), Мельникова-Печерского («Старые годы») — относятся к громадной эпопее Салтыкова как этюды и эскизы к большому законченному полотну. Сравнение с этой семейной хроникой Затрапезных выдерживает только «Семейная хроника» С. Аксакова и его «Детские годы Багрова внука», произведения, которыми Салтыков восторгался как раз тогда, когда писал свои «Губернские очерки». Нет сомнения, что к мысли о своей семейной хронике он пришел от «Семейной хроники» С. Аксакова. Но помещичье-крепостная эпопея XVIII века под пером С. Аксакова была за немногими исключениями идиллична.

«Мы помним картины из времен крепостного права, написанные à la Dickens. Как там казалось тепло, светло, уютно, гостеприимно и благодушно! а какая, на самом деле, была у этого благодушия ужасная подкладка!» — писал Салтыков еще в 1871 году в одной из несомненно принадлежащих его перу анонимных статей в «Отечественных записках» (1871 г., № 5, стр. 61)⁵. Приступая на склоне лет к «картинам из времен крепостного права», Салтыков не побоялся тяжелой правды и дал мрачную, но яркую и художественно-сильную картину помещичьего крепостничества первой половины XIX века, которая достойно завершила собою почти полувековую деятельность великого художника слова.

<...>

